

никова к заключению, что роспись аналогична эскикерменской и датируется XII—XIII вв.²⁸ По сообщению Н. И. Репникова, в отношении Эски-Кермена той же даты придерживались и И. Э. Грабарь, Г. О. Чириков, Н. П. Сычев²⁹. С некоторым колебанием фрески Сюрени относит к XIII в. новейший их издатель О. И. Домбровский³⁰. Таким образом, поздняя (не ранее XII в.) дата фресковой росписи сюреньских башен у всех исследователей не вызывает сомнений. Поскольку, однако, сооружение самой башни относили к VI в., наличие фресковой росписи на штукатурке второго этажа приходилось объяснять либо тем, что в позднейшую эпоху жизни укрепления в верхнем этаже башни была устроена церковь³¹, либо тем, что второй этаж являлся капеллой (т. е. небольшой молельней)³². Но если предполагать, опираясь на новый археологический материал, что сооружение Сюреньской крепости относится к позднесредневековому времени, то дата фресковой росписи синхронна времени строительства обороты и, следовательно, хронология возникновения сюреньской обороны естественным образом сужается ко времени XII—XIII вв.; так как в свежих осыпях штукатурки видно, что фресковой росписи предшествовал пожар, обваливший стены (которые были вначале тоже оштукатурены)³³, то XII в. будет более вероятной датой.

Вторым фактом, который, возможно, обозначает *terminus post quem* боевой кладки городища, является то обстоятельство, что кладки боевых, а иногда и жилых сооружений Крыма после XII в., в частности кладки генуэзских и турецких построек, отличаются некоторыми существенными особенностями. Основная из них заключается в структурной однородности стены, камни облицовки и забутовки отличаются лишь размерами. В этой технике выстроены крепостные стены генуэзского и турецкого времени в Инкермане, Балаклаве, Феодосии, Алуште³⁴. Между тем камни облицовки и забутовки сюреньской стены отличаются принципиально: первые — обработанные квадраты, вторые — необработанные; кроме того, толщина забутовки по сравнению с общей толщиной стены незначительна. Имея все это в виду, нужно, тем не менее, повторить, что особенности техники кладки сами по себе не могут иметь определяющего значения для датировки. Но в связи с рассмотрением археологического материала и учетом хронологии, на которую указывает фресковая роспись, эти особенности в технике кладки также можно использовать для датировки — возникновение оборонительных стен нужно отнести ко времени не позднее XII—XIII вв. или, более вероятно, не позднее XII в.

В связи с этим сразу же возникает вопрос, с какими событиями можно связать строительство Сюреньской крепости. Имея в виду наличие в архитектуре крепости черт, сближающих ее с византийскими памятниками, можно предвидеть в сооружении Сюреньской крепости указание на повышение византийской активности в Северном Причерноморье, особенно в Таврике, в XII в. Это указание археологического источника теперь уже не является изолированным. Сравнительно недавно был найден письменный источник, говорящий о том же. Речь идет о сообщении Мануила Стравомана, современника императора Алексея I Комнина (1081—1118). В этом сообщении говорится о бедственном положении империи до воца-

²⁸ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 120—122.

²⁹ Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок, стр. 149, прим. 1.

³⁰ О. И. Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966, стр. 56—57.

³¹ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 121; А. Л. Яковсон. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.—Л., 1964, стр. 25, 26.

³² О. И. Домбровский. Указ. соч., стр. 56—57.

³³ Там же, стр. 57; А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 116.

³⁴ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 116.